

Нельзя разрывать связь между творцом и публикой

НИКОЛА БОС, VAN CLEEF & ARPELS

Van Cleef & Arpels,
брошь Fuchsia,
1968 год

Van Cleef & Arpels,
брошь Five Leaves из
бывшей коллекции
оперной певицы Марии
Каллас, 1967 год

Van Cleef &
Arpels, брошь
Bird, 1963 год

ДРАГОЦЕННОСТИ

Van Cleef & Arpels в этом году побывали в бывшей столице Японии Киото на выставке «Во власти искусства». И это не первая художественная выставка, в которой участвуют французские ювелиры. Об этом мы поговорили с главой марки Никола Босом. Он знает выставочное дело не понаслышке — свою карьеру в группе Richemont он начал с работы в галереях современного искусства Fondation Cartier.

— До выставки в Киото ваши вещи показывали в Музее декоративных искусств и Музее моды в Париже, а также в музеях Московского Кремля. Вы тратите на эти проекты огромные средства. Вы идете навстречу чужим музеям. Зачем вам это нужно? Неужели для того, чтобы лучше продаваться?

— Я убежден, что это наш долг, наша миссия. Ювелирный дом — это искусство красоты, искусство драгоценных камней, искусство дизайна. И, как и в любой сфере искусства, нельзя разрывать связь между творцом и публикой. Наша марка многим обязана выставкам. Если бы не было Всемирной выставки 1925 года в Париже, не было бы Всемирной выставки 1939 года в Нью-Йорке, где были представлены произведения нашей компании, наш ювелирный дом никогда бы не достиг нынешних высот. К тому же выставки позволяют привлечь молодое поколение, приобщить его к искусству. И если смотреть на вещи более прагматично, то сегодняшние посетители со временем могут стать нашими клиентами.

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Чем выставка в Киото отличалась от всех предыдущих?

— Японцев не столько интересовали наши знаменитые клиенты, сколько ремесло, они обсуждали с мастерами техники — нынешние и прошлых лет, они считают, что мы живая энциклопедия ювелирного искусства. И конечно, вещи из нашего собрания для них очень любопытны. Мы считаем, что наша коллекция, как и любая художественная, должна жить, и путешествовать, и показываться.

— Когда Van Cleef & Arpels начал собирать эту коллекцию?

— Задолго до моего прихода, еще в 1980-е годы. Владельцы всегда собирали предметы искусства, но именно в этот период их покупки стали восприниматься как коллекция. И уже в 1992 году в Музее моды в Париже была представлена первая большая ретроспектива произведений ювелирного искусства.

— Что вы добавляете в это собрание?

— Наши новые современные коллекции. Например, «Ноев ковчег», выставка, которую мы сделали с Робертом Уилсоном. Ее можно было посмотреть в Париже в течение трех недель. Вход был бесплатным, и в общей сложности ее посмотрело 14 тыс. посетителей. Среди них, конечно, были специалисты, коллекционеры и журналисты, но выставка была открыта для всех. Это был удачный опыт, и в ближайшее время мы планируем повторить его в Гонконге.

— Ваши волшебные звери из «Ноева ковчега» — они так и существуют только парами, не собираетесь ли вы выпускать их в больших количествах?

— Нет, наши зверушки пока не размножаются. У нас нет задачи Ноя — населить землю ювелирными существами, они останутся единственными в своем роде. Эта коллекция, на мой взгляд, демонстрирует, как сегодня можно работать с высоким ювелирным искусством. Она интересна не только тем, что в ней

Van Cleef & Arpels,
брошь-подвеска
в виде птицы,
1971–1972 годы

Van Cleef & Arpels,
колье в индийском
стиле, 1971 год

МЫ НАЧАЛИ РАБОТАТЬ С МУЗЕЯМИ, ЧТОБЫ ЛЮДИ СМОГЛИ ЗАНОВО ОТКРЫТЬ ДЛЯ СЕБЯ МИР ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА

использованы прекрасные драгоценные камни, — она несет некую идею, у нее есть свой рисунок, чувство юмора, она отсылает к детству. И позволяет увидеть, как создаются ювелирные украшения сегодня.

— Но это делают далеко не все. Многие марки предпочитают не афишировать свои вещи и тем более не привлекать к ним внимание.

— Мы начали работать с музеями, чтобы люди смогли заново открыть для себя мир ювелирного дела. Если выставки и мероприятия хорошо организованы, то они привлекают огромное количество посетителей и имеют большой успех. Часовое дело не может быть столь универсальным, часовые выставки интересуют в основном клиентов. Сложно представить, чтобы на дорогие часы приходили смотреть целыми семьями, как это случается, когда показывают ювелирные украшения.

— Мне всегда казалось, что произведения haute joaillerie напоминают государственные тайны — как они выглядели и кому они принадлежали, мы узнаем спустя несколько десятилетий. Можно ли выдавать эти тайны?

— А можно ли себе представить выставку Пикассо, предназначенную только для коллекционеров Пикассо? Это же абсурд. Знаете, когда я начинал работать с ювелирами, это было в 1990-е годы, я обнаружил, что они слишком отделились от творческого сообщества. Все декоративное искусство пребывало в забвении, не было никаких выставок. Ювелирные дома стремились работать для закрытой касты клиентов. Они не были заинтересованы в том, чтобы быть частью культурной жизни и искусства. И в результате ювелирное дело оказалось на задворках. Мы должны с этим побороться, потому что наша миссия — не делить деньги в узком кругу, а открыто поддерживать культуру мастерства.

Беседовали Кирилл Сарханянц
и Алексей Тарханов